

АМЕРИКАНСКИЙ МЕМОРАНДУМ МАРТА 1943 ГОДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ФИНСКО-АМЕРИКАНСКИХ И ФИНСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. И. Куликов*

Статья посвящена событиям марта 1943 г., когда американская администрация предприняла попытку ускорить начало мирных переговоров между Советским Союзом и Финляндией и с этой целью направила финскому правительству меморандум с предложением своих посреднических услуг. В статье, основанной на архивных документах, затрагиваются проблемы выхода Финляндии из Второй мировой войны, особенности финско-германских отношений того периода и их влияние на проводимый финским правительством политический курс.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Финляндия, США, СССР, Германия, переговоры.

Keywords: The Second World War, Finland, United States, USSR, Germany, negotiations.

Сегодня события, связанные с участием Финляндии в войне против СССР в 1941—44 гг. вновь становятся предметом горячих споров. В финских исторических и более широких общественных кругах снова разгораются дискуссии о характере той войны, а главное об отношениях, существовавших между Финляндией и Германией. Ряд современных финских историков доказывает, что боевые действия на советско-финском фронте 1941—44 гг. являлись отнюдь не «обособленной войной» (так называемой «войной-продолжением», вытекавшей из Зимней войны 1939—40 гг.), а частью масштабных захватнических планов гитлеровской Германии в отношении СССР. С этой позиции Финляндия предстает уже не просто в роли одной из воюющих сторон, а в качестве одной из союзниц Германии. До сих пор официальная финская историография откровенно отходила от подобного статуса. Однако сегодня внимание этой теме в Финляндии уделяется на самом высоком уровне. Так, в ноябре 2008 г. по инициативе президента Финляндии Тарьи Халонен состоялся исторический форум, на котором историки так называемой «новой волны», Х. Мейнандер, О. Силвеннойнен и М. Йокисипиля, заявили, что с их точки зрения, в советско-финской войне 1941—44 гг. Финляндия была союзницей Германии, и потому принятый по отношению к событиям тех лет термин «обособленная война» не соответствует действительности. Доктор Силвеннойнен так подытожила свое выступление: «Опыт показывает, что Финляндия не была ни парламентской демократией, ни правовым государством... Мы считаем, что исходя из той обстановки, которая существовала во время войны продолжения, необходимо прекратить рассматривать войну Финляндии как исключе-

ние из общего хода Второй мировой войны. Учение об «обособленной войне» было политически оправданным до тех пор, пока существовал Советский Союз. На сегодняшний день это лишь осложняет понимание общей картины происшедшего и вызывает растерянность за пределами Финляндии»¹.

Долгое время в финской историографии преобладали взгляды профессора А. Корхонена, опубликовавшего в 1961 г. исследование «План Барбаросса и Финляндия». С подачи бывшего немецкого посла в Хельсинки Виперта фон Блюхера, писавшего ранее в своих мемуарах, что Финляндия «попала в круговорот большой политики так же, как стремительный поток подхватывает плывущее по течению бревно», Корхонен сформировал теорию «бревна, плывущего по течению», согласно которой Финляндия стала жертвой большой политики мировых держав и оказалась втянута в войну помимо своей воли.

Молодое поколение финских историков занимает несколько иную позицию. Один из наиболее известных современных финских исследователей Туомо Полвинен считает, что определяющим моментом в судьбе Финляндии стало подписание в августе 1939 г. договора о ненападении между СССР и Германией. Согласно секретному протоколу к нему Финляндия оказалась в сфере интересов Советского Союза и стала испытывать нарастающее давление с его стороны. Обратившись за помощью к своим традиционным западным союзникам, Швеции и Англии, финское правительство потерпело неудачу, и сумело обрести поддержку только в лице Германии, которой было выгодно привлечь Финляндию к планам нападения на СССР.

*Куликов Андрей Игоревич – соискатель кафедры Всемирной и Отечественной истории МГИМО (У) МИД России, атташе посольства Российской Федерации в Финляндии, e-mail: fox001@mail.ru.

Сегодня сотрудничество Германии и Финляндии официально не отрицается. Ссылаясь на ограниченность экономических ресурсов Финляндии, финские историки подчеркивают, что взаимодействие с Германией было, с одной стороны, вынужденным шагом, а с другой – ни к чему не обязывающим. Союзнических договоров с Германией Финляндия не подписывала, а финская армия вторглась в Советский Союз лишь для того, чтобы восстановить прежнюю границу 1939 года. Раз за разом подчеркивается «обособленность» советско-финской войны 1941–1944 гг., которая проявлялась, якобы, в том, что боевые действия были направлены только против СССР. «Финляндия поддерживала действия против Востока, сохраняя нейтралитет по отношению к Западу», – утверждает популярный финский историк Ю. Сеппенен². С этим сложно спорить: если с Англией Финляндия, находясь в состоянии войны, фактически и не воевала, то с Соединенными Штатами вплоть до разрыва дипломатических отношений 30 июня 1944 г. поддерживались вполне нейтральные и даже дружественные отношения. Однако такое осторожное поведение финского руководства по отношению к западным державам вовсе не является доказательством «обособленности» Финляндии от Германии. Как раз наоборот, хорошие отношения с Западом нужны были Финляндии прежде всего для того, чтобы скрыть ту сильнейшую зависимость от Германии, которая превращала Финляндию в полноценного союзника Гитлера, и вынуждало финское правительство в полной мере принимать участие в реализации агрессивных гитлеровских планов в отношении Советского Союза. Как отмечает видный российский историк Н. И. Барышников в книге «Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944», «во внешнеполитическом плане финскому руководству хотелось создать видимость своей «независимости» от Берлина, чтобы сохранить на будущее поддержку государств Запада, противостоявших Германии»³.

Анализ отношений финского руководства со странами Запада, и прежде всего с Соединенными Штатами как ведущей из них, не только дополняет картину финско-германских взаимоотношений, но также дает представление о том, какие иные альтернативные направления внешней политики Финляндии существовали на тот момент. Речь в частности идет о плотных контактах, поддерживаемых финским правительством с американской администрацией, и тех усилиях, которые Вашингтон предпринимал для скорейшего подписания советско-финского мира.

Боевые действия на советско-финской границе начались 25 июня 1941 г. с нанесения советской авиа-

цией упреждающего удара по нескольким аэродромам в Финляндии и Норвегии, на которых находились немецкие самолеты. Несмотря на то, что в результате операции финская авиация почти не пострадала, финское правительство воспользовалось формальным поводом, и 26 июня президент Ристо Рюти официально объявил о начале «второй освободительной войны» против Советского Союза. Заняв пост президента Финляндии 19 декабря 1940 г. во многом благодаря поддержке Германии, в первой же новогодней речи он сформулировал свой политический курс: «укреплять и углублять дружественные отношения с Германией». 17 июня 1941 г. было объявлено, что Финляндия считает свою «политическую связь с Лигой Наций прекращенной». Уже к концу августа 1941 г. финские войска вышли на старую советско-финскую границу на всем ее протяжении. В результате последовавшего за тем сентябрьского наступления части и соединения финской армии вторглись в советскую Восточную Карелию. Международные отношения Финляндии с западными странами, в частности, с Великобританией и Швецией, значительно осложнились – правительства обоих государств в мае–июне 1941 г. получили от финского министра иностранных дел Рольфа Виттинга заверения в том, что Финляндия не планирует проведения совместной с Германией военной кампании, а финские приготовления имеют чисто оборонительный характер. Впрочем, Великобритания объявила блокаду Финляндии еще в июле 1941 г., а в конце июля британские ВВС уже нанесли удар по немецким войскам в районе порта Петсамо (Печенга). В начале декабря 1941 г. британское правительство потребовало от Финляндии вывести со своей территории немецкие войска и отвести финскую армию к границам 1939 года. В связи с невыполнением этих требований 5 декабря 1941 г. Великобритания объявила Финляндии войну. С самого начала боевых действий на советско-финском фронте правительство Соединенных Штатов стало прилагать усилия для скорейшего заключения нового советско-финского мира. Первая серьезная попытка Вашингтона предложить свои посреднические услуги финскому правительству относится к августу 1941 г. 4 августа 1941 г. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин направил президенту Соединенных Штатов Америки Франклину Делано Рузвельту телеграмму, в которой сообщил, что «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии». «Раздаются голоса за нейтралитет Финляндии и примирение с СССР», – говорилось далее в документе. «Если бы Правительство США сочло необходимым угрожать Финляндии разрывом отношений, то Правительство Финляндии стало бы более решительным

в вопросе об отходе от Германии. В этом случае Советское Правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор»⁴. 18 августа по указанию Рузвельта заместитель государственного секретаря Соединенных Штатов Самнер Уэллес встретился с послом Финляндии в Соединенных Штатах Я. Прокпе. Автор декларации 23 июля 1940 г., осуждавшей включение Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза и, по мнению историков, один из главных архитекторов будущей системы ООН, Уэллес обладал полным доверием президента, чем вызывал у своего шефа, Корделла Хэлла, нескрываемое раздражение. Именно Уэллесу Рузвельт поручил сообщить финнам, что по сведениям американского правительства, Советский Союз готов заключить с Финляндией новый мирный договор, предусматривающий территориальные уступки в ее пользу. В разговоре с финским послом Уэллес подчеркивал, что готовность советской стороны к переговорам ни в коем случае не означала ослабления ее позиций – финский дипломат был заверен, что Советский Союз успешно противостоит германской агрессии и готов к длительным боевым действиям. Аналогична была и позиция британского правительства. В телеграмме Уэллесу посол Великобритании в США Эдуард Галифакс обращал внимание своего визави на недопустимость того, чтобы финны или немцы посчитали, будто Советский Союз просит мира: «Если сложится такое впечатление, оно будет, конечно, противоположным тому, которое мы бы хотели произвести», – писал Галифакс⁵.

В августе 1941 г. переговоры так и не удалось начать. Сложилась ситуация, при которой ни одна из сторон не была готова пойти навстречу друг другу: советское правительство не называло предварительных условий нового мирного договора, не ознакомившись с которыми, финское руководство отказывалось вступать в переговоры. Хотя Вашингтон взял на себя неофициальную роль посредника в установлении контактов между Москвой и Хельсинки, этого было явно недостаточно. Руководству Финляндии было принципиально важным получить от Соединенных Штатов и Великобритании гарантии того, что Советский Союз в случае победы над Германией и превращения в доминирующую военную державу будет соблюдать условия мирного договора и не попытается снова захватить Финляндию. Предоставить финнам такие гарантии американцы были не готовы. Первая серьезная попытка Вашингтона вывести Финляндию из войны провалилась.

Гораздо более основательными были усилия американцев, предпринятые в марте 1943 г. Это был

первый раз, когда Вашингтон официально предложил финскому правительству свои посреднические услуги в установлении контактов с Москвой.

В основу описываемых ниже событий лег меморандум государственного секретаря Соединенных Штатов К. Хэлла, переданный третьим секретарем американского посольства в Финляндии Р. Макклинтоком 20 марта 1943 г. финскому министру иностранных дел Х. Рамзаю. В документе американские власти предлагали финскому руководству свое содействие в заключении мира с Советским Союзом, согласие которого якобы уже было достигнуто. Правительство Финляндии оказалось перед сложным выбором: принять американское предложение означало бы вызвать гнев в Берлине, отказаться – осложнить отношения с Вашингтоном. Необходимо было срочно выяснить истинное отношение к этой инициативе советского правительства и условия, на которых оно было готово начать переговоры.

По мнению Макклинтока, с 1939 по 1943 год занимавшего в американском посольстве в Хельсинки должность вице-консула и после отъезда Шенфельда назначенного временным поверенным в делах, по сравнению с теми мирными инициативами, которые Вашингтон предпринимал в августе 1941 г., мартовский меморандум Хэлла представлял вопрос о мире в совершенно новом свете. Корделл Хэлл, с 1933 по 1944 год занимавший пост государственного секретаря в администрации президента Ф. Рузвельта, традиционно придерживался курса на развитие сотрудничества с Советским Союзом: при нем были установлены дипломатические отношения СССР и США, именно он активно участвовал в выработке советско-американского соглашения о ленд-лизе и являлся одним из главных инициаторов помощи советскому правительству в прекращении войны с Финляндией. В меморандуме, подписанном им 23 марта 1943 г. от имени американского правительства, Хэлл официально предлагал финскому руководству свое посредничество в установлении контактов с Москвой. Теперь финны уже не могли проигнорировать американскую инициативу, сославшись на «досадное непонимание» (а именно так отреагировал финский МИД на аналогичные попытки Вашингтона, предпринятые ранее в августе 1941 г. и в феврале 1943 г. – финский посол в Вашингтоне Прокпе, якобы, просто не правильно понял слова Хэлла).

Получив документ из рук американского посла в Хельсинки и пробежав его взглядом, Рамзай отметил для себя следующее: 1) американское правительство готово оказать Финляндии посреднические услуги; 2) побуждения правительства

Соединенных Штатов и американского народа искренни и заслуживают доверия; 3) отклонив предложение Вашингтона, финское правительство может его больше никогда не получить. Занимая пост министра иностранных дел Финляндии с марта 1943 г. и будучи, по словам немецкого посла В. Блюхера, человеком «со всей серьезностью относящегося к сотрудничеству с Германией», Хенрик Рамзай, тем не менее, имел широкие связи в странах британской ориентации и дорожил отношениями с Великобританией и США. Как бы взывая к этой англо-саксонской привязанности, Макклиток поспешил обратить внимание министра на то, что американские усилия были направлены не против финского правительства, а против той помощи, которую Финляндия оказывала врагам Соединенных Штатов⁶.

По словам Рамзая, в деле заключения сепаратного мира с Советским Союзом было множество «практических трудностей». Во-первых, Финляндия могла лишиться экономической помощи Германии, а во-вторых, после вероломного нападения Советского Союза на Финляндию во время Зимней войны финское правительство больше не доверяло Москве. Глава финской внешней политики указывал на то, что даже если мир будет скреплен гарантиями Соединенных Штатов, в будущем Советский Союз может потребовать от Финляндии новых территориальных уступок. Рамзай не верил, что США способны заставить Москву отказаться от своей агрессивной политики. По его мнению, Финляндии лучше было продолжать сражаться.

Как мог, Макклиток убеждал Рамзая в том, американское правительство никогда не стало бы выступать посредником в деле достижения мира, чтобы потом позволить Советскому Союзу поглотить Финляндию. Однако для Рамзая даже возможные военные гарантии со стороны США не представлялись достаточно эффективными. Вариант же с предоставлением подобных гарантий со стороны Швеции Рамзай отверг сразу и с презрением. Макклитоку не оставалось ничего иного как просить финское правительство как можно быстрее подготовить свой официальный ответ. Рамзай: «Финны думают медленно. Требуется время, чтобы новый политический курс обрел поддержку», – слова Рамзая звучали не слишком обнадеживающе⁷.

22 марта для обсуждения сложившейся ситуации в кабинете президента Финляндии Ристо Рюти собрались главнокомандующий и члены правительственной комиссии по международным делам: Маннергейм, Линкомиес, Рамзай, Вальден, Таннер и Рейникка. Открыв обсуждение, Рамзай выразил твердую уверенность, что принимать предложение американцев, не поставив об этом

в известность немцев, не следует. Для начала он предложил выяснить у Соединенных Штатов конкретные условия переговоров с русскими. Он также вызвался слетать в Германию и через Риббентропа выяснить отношение немцев к возможному выходу Финляндии из войны. Маннергейм полностью поддерживал эту идею, однако у Линкомиеса, Таннера и Рейникки целесообразность поездки вызвала сомнения. Президент Рюти колебался, однако и он, в конечном итоге, поддержал инициативу Рамзая. Таким образом, члены комиссии приняли решение запросить у Вашингтона дополнительную информацию по предстоящим переговорам и одновременно отправить Рамзая в Берлин для переговоров с Риббентропом.

В настоящее время сложно точно назвать причины, по которым политическое руководство Финляндии решило проинформировать немцев о предложенных Соединенными Штатами переговорах. Вполне вероятно, что возможность получить согласие Германии на выход Финляндии из войны не представлялась такой уж нереальной. Финны надеялись, что Германия, особенно нуждавшаяся в новых силах на Восточном фронте, в скором времени выведет свои войска из финской Лапландии. После того, как планы немцев по захвату Мурманска провалились, такой поворот событий становился, по мнению финского руководства, все более вероятным. Рамзай понимал, что рано или поздно по своим каналам Берлин все равно узнает о переговорах с американцами. Необходимо было продемонстрировать лояльность только что сформированного финского правительства Германии и сообщить новость лично.

Сразу после заседания «ближнего круга» Рюти поручил Тойво Кивимяки, с 1940 по 1944 гг. проработавшему в качестве посла Финляндии в Берлине и являвшемуся одновременно профессором Хельсинкского университета, узнать, сможет ли Риббентроп принять Рамзая. Уже 23 марта, на следующий день, Кивимяки связался с бригадефурером СС Эрнстом фон Вейцекером, принимавшим ранее самое активное участие в дипломатическом обеспечении агрессивных гитлеровских планов против Чехословакии и Польши и с 1938 г. занимавшим должность статс-секретаря германского МИДа. Он поинтересовался готовностью Риббентропа принять Рамзая, особенно подчеркнув при этом частный, и даже конфиденциальный, характер предстоящего визита. В тот же вечер финский посол по телефону доложил Рамзаю, находившемуся в это время на переговорах с Рюти, Маннергеймом, Таннером и Вальденом в спецпоезде на станции Пасила, что Риббентроп готов его принять.

Новость о срочном и неожиданном визите Рамзая вызвала у Риббентропа удивление. Он никак не мог понять причину такой поспешности и секретности. Говоря о цели приезда финского министра, Кивимяки уклонялся от прямого ответа, ссылаясь на желание главы финского МИДа обсудить «некоторые проблемы финско-германских отношений». Не смог Риббентроп получить конкретных разъяснений ни у немецкого посла в Хельсинки В. Блюхера, ни у начальника отдела стран Балтии и Скандинавии немецкого МИДа В. Грундхерра. Главные немецкие специалисты по Финляндии лишь предполагали, что Рамзай собирается обсудить финско-американские отношения. Блюхеру, в частности, было известно только то, что поездка Рамзая носит столь секретный характер, что в качестве официальной причины его отсутствия в Хельсинки назывался его отъезд в ставку Генерального Штаба в г. Миккели.

Неопределенность цели визита Рамзая и особенно его секретный характер сильно разозлили Риббентропа. Один из главных идеологов нацизма и верный соратник Гитлера, Иохим фон Риббентроп был одним из основных архитекторов «оси» Берлин—Рим—Токио и проводников захватнических гитлеровских планов. До того как занять в феврале 1938 г. пост имперского министра иностранных дел, в 1935 г. он сумел успешно подготовить заключение англо-германского соглашения по флоту и был назначен послом в Лондоне. Обладая влиятельными друзьями, близкими к королю и правительству, уже после занятия немецкими войсками Рейнской области Риббентроп сумел добиться заявления Лондона о готовности отстаивать германскую точку зрения в Лиге Наций. В 1943 г. лишь одно упоминание об англо-саксонском мире вызывало у него крайнее раздражение. Гнев Риббентропа обрушился на Кивимяки, которого он пригласил к себе 24 марта. Германский министр иностранных дел раскритиковал финское руководство за стремление поддерживать хорошие отношения с Соединенными Штатами. По его мнению, такая политика Финляндии была абсолютно противоестественной, ведь США снабжали оружием общего врага Германии и Финляндии, Советский Союз, и позволяли якобы использовать свое посольство в Хельсинки в целях шпионажа. Риббентроп рассерженно кричал, что если Рамзай так боится публичности, он может вовсе не приезжать. Кивимяки, связавшийся тут же с Хельсинки, не переставал убеждать своего могущественного собеседника, что секретность визита связана исключительно со стремлением избежать газетных сплетен. В конечном итоге финскому послу удалось убедить Риббентропа, что значение предстоящей

поездки было столь велико для Финляндии, что Рамзай был готов отправиться в Германию, несмотря ни на что, даже под угрозой утечки информации⁸.

25 марта Рамзай вылетел в Берлин. По телефону Кивимяки связался с Вайцзеккером и выразил сожаление, что стремление Финляндии сохранить визит в тайне от вездесущей прессы Блюхер, скорее всего, просто неправильно объяснил своему руководству. Теперь Риббентроп и Вайцзеккер могли просто не захотеть встречаться с Рамзаем.

Около полудня Рамзай приземлился в аэропорту Темплхоф. Он заметил, что Риббентроп, несмотря на свое раздражение, сумел обеспечить тайну их встречи. Вместо традиционно пышной церемонии на летном поле присутствовал лишь пользовавшийся безусловным доверием главы германского МИДа шеф протокола Александр фон Дернаберг.

Риббентроп не заставил финского гостя долго ждать и принял его уже на следующий день. Когда Рамзай и Кивимяки приехали к Риббентропу, помимо министра их ожидал посол по особым поручениям Эмиль фон Ринтелен. Рамзай сразу предложил перейти к делу и зачитал заранее подготовленный им текст, передававший суть американского предложения и выводы, сделанные комиссией по внешней политике. Рамзай еще раз подчеркнул, что целью его приезда и истинной причиной соблюдения секретности визита являлось, прежде всего, желание с глазу на глаз обсудить данный вопрос с Риббентропом.

Свою речь Рамзай начал с оценки настроений в финском обществе и экономического состояния страны. Он сообщил, что с 1939 г. Финляндия, защищая свою девятистоткилометровую границу с Советским Союзом, потеряла 60 тыс. мужчин. Финский народ устал от войны. Однако усталость эта была не «моральным предательством», а лишь «утомленностью мышечной системы», подобной той, что, как образно выразился Рамзай, «чувствует усердный лесоруб после длинного рабочего дня»⁹. Война оказалась продолжительнее, чем кто-либо в Финляндии ожидал. Финский народ был просто вынужден задуматься над условиями своего послевоенного существования. Рамзай подчеркнул, что, стремясь сохранить национальное единство, а также в силу внутривнутриполитических и даже тактических причин руководство Финляндии не могло не ответить на предложение Соединенных Штатов. Впрочем, он тут же пояснял, что, включая тему переговоров с Москвой в повестку финско-американских отношений, Финляндия лишь позволит США поддаться самообману, так как никаких реальных возможностей для мира не существовало в принципе. По словам Рамзая, финское правительство не делало разницы между советско-фин-

ской войной и общей войной против большевизма. Усилившись впоследствии сотрудничеством со странами Северной Европы и даже создав некий блок северных государств, Финляндия смогла бы на этой основе с новыми силами продолжить борьбу с большевизмом.

Несмотря на все предосторожности и заверения Рамзая, немцы оказали холодный прием. Риббентроп ответил агрессивным и грубым монологом, продолжавшимся без перерыва 1,5 часа. По воспоминаниям современников Риббентропа, его всегда отличали суровость облика, неулыбчивость и наигранность жестов. Повлиять на него или убедить логическими доводами было совершенно невозможно — он никого не слушал. Не удалось это и Рамзаю: попытавшись было направить лавину гневных слов немецкого министра в более конструктивное русло, в итоге он лишь осмелился молчать. Риббентропу же было, что сказать. Он начал с утверждения, что симпатии, которыми Финляндия пользовалась в Германии, сами по себе являлись ценнейшим энергетическим ресурсом, которым необходимо дорожить. Хотя в сравнении с другими союзниками Германии Финляндия всегда блестяще справлялась с возложенными на нее задачами, теперь своей необдуманной внешней политикой финское руководство вдруг подрывает доверие немецкого народа и основы до сих пор крепкого братства по оружию. Финляндия стала вести себя так, будто бы она всегда шла рука об руку не с Германией, а с Соединенными Штатами. Риббентроп не преминул отметить, что Гитлер лично следит за развитием событий и в курсе переписки финского правительства с американцами. Конечно, продолжал немецкий министр, Германия принимала во внимание внутривнутриполитические обстоятельства Финляндии, однако ей, тем не менее, необходимо самой решить, против кого она воюет. Сепаратный мир с Советским Союзом народ Германии и ее солдаты восприняли бы как предательство в священной войне с большевизмом. Если Финляндия хочет идти своей дорогой, Германия, в свою очередь, также оставляет за собой свободу действий и не считает себя связанной какими-либо обязательствами. Риббентроп уверял, что если американцы опубликуют содержание переписки с финнами, это будет иметь тяжелейшие последствия.

6 апреля 1943 г. Рамзай встретился с новым немецким послом в Хельсинки Эрихом Цехлином, бывшим немецким послом в Литве, еще в 1939 г. снискавшим расположение своего руководства в Берлине масштабными планами переселения проживавших в Литве немцев в Германию. Для того, чтобы выиграть время и как можно дольше не сообщать немцам о состоянии переговоров с

американцами, в Хельсинки решили воспользоваться тем, что предыдущий посол Блюхер был неожиданно отозван в Берлин на неопределенный срок. Рамзай сообщил Цехлину, что финскую позицию по «американскому вопросу» президент Рюти планирует разъяснить Блюхеру по его возвращению. Ответ последовал резкий: Блюхер может не вернуться вовсе, позиция финского правительства известна и без того.

Финны вынуждены были перейти к решительным действиям. Комиссия по международным делам подготовила проект ответа американцам, о чем незамедлительно было сообщено Цехлину. В документе говорилось, что финское правительство не получило соответствующих подтверждений тому, что в существовавших условиях начавшиеся переговоры могут обеспечить Финляндии надежные гарантии ее безопасности, ради которых финский народ сражается с 1939 г. Финляндии оставалось лишь продолжать войну²⁰.

После резкой критики прозвучавшей из уст Риббентропа руководство Финляндии предсказывало два варианта дальнейшего развития событий: прекращение немецких военных поставок в страну и разрыв дипломатических отношений. Решив вновь завоевать доверие немцев, финское правительство пригласило министра финансов Германии, Иоганна Людвига Шверин фон Крозига на празднование 25-летия общества Финляндия—Германия, однако Берлин его не принял. По поручению Блюхера Цехлин сообщил финнам, что неотложные обстоятельства вынуждают Шверин фон Крозига остаться в Берлине. Наряду с предшествовавшим отзывом Блюхера из Берлина это было четким сигналом финскому руководству — от американского предложения необходимо было отказаться, и как можно быстрее. Времени, чтобы прощупать реальную почву для переговоров не оставалось. Гнев Риббентропа мог в любое время материализоваться, Финляндия сильнее, чем когда бы то ни было, испугалась остаться без немецкого зерна.

Тема американского посредничества в урегулировании советско-финских отношений была впервые затронута в переговорах американского посла Вильяма Стэнли с Молотовым в марте 1943 г. Бывший школьный учитель, прошедший затем длинную карьеру военно-морского офицера и дослужившийся до звания адмирала, в 1937 г. Стэнли вышел на пенсию, однако с вступлением США в мировую войну был призван на дипломатическую службу и в апреле 1942 г. направлен послом в Москву. Отношения Стэнли с советским руководством складывались плохо — несмотря на приверженность Рузвельта принципу безвозмезднос-

ти оказываемой по ленд-лизу помощи Советскому Союзу, Стэнли настаивал на том, что Москва должна рассчитаться за американские поставки. В какой-то момент Рузвельт был готов заменить неговорчивого Стэнли на уже заслужившего доверие советского правительства Дж. Дэвиса, однако последний отказался возвращаться в СССР²¹. Весной 1943 г. Стэнли было поручено узнать о готовности Москвы к поиску возможных компромиссов. Встречаясь с Молотовым 12 марта 1943 г., посол напрямую поинтересовался у советского наркома относительно реакции советского правительства в случае, если бы Вашингтон взял на себя роль посредника в советско-финских переговорах «с целью определения возможности заключения сепаратного мира»²². 20 марта 1941 г. в Москве Молотов вновь встретился со Стэнли и, по словам американского дипломата, зачитал ему заранее подготовленный ответ. Нарком сообщил, что хотя в целом советское правительство относится положительно к идее советско-финских переговоров, оно не верит в их успех, так как до сих пор не получило подтверждений тому, что Финляндия готова порвать с Германией и принять приемлемые для Советского Союза условия. Кроме того, Молотов обратил внимание на то, что, принимая решение о подписании сепаратного мира с Финляндией, Советский Союз будет руководствоваться англо-советским договором от 26 мая 1942 г., согласно которому ни советское, ни британское правительство не могли вести переговоры с Германией и ее союзниками без взаимного согласия друг друга. Иными словами, Москва должна была сначала получить согласие британского правительства²³.

Ответ Лондона не заставил себя ждать. В телеграмме Сталину Черчилль сообщал, что советское руководство «имеет лучшее представление о том, какую военную пользу в борьбе против немцев принесет выход Финляндии из войны». Такой шаг, по мнению британского премьер-министра, «освободил бы советских дивизий больше, чем немецких и позволил бы их использовать где-нибудь в другом месте»²⁴. Таким образом, британское правительство не возражало против советско-финских переговоров.

В начавшихся переговорах с американцами Молотов сразу предупредил, что для его правительства абсолютно неприемлемо, если инициатива советско-финских переговоров будет исходить от Советского Союза. Он также озвучил минимальные требования советской стороны:

Немедленный разрыв отношений Финляндии с Германией и вывод немецких войск с финской территории;

Восстановление советско-финского мирного договора 1940 года со всеми вытекающими последствиями;

Демобилизация финской армии и ее переход на режим мирного времени;

Компенсация как минимум половины ущерба, нанесенного Финляндией Советскому Союзу во время войны.

Это были базовые требования советского правительства. Если финская сторона их не принимала, то, по мнению Молотова, двигаться в переговорах дальше не представлялось возможным. Финляндия уже однажды нарушила мирный договор с СССР, и советское правительство считало правомерным требовать от финской стороны полной компенсации ущерба и полного разоружения. Тот факт, что Советский Союз не выдвигал подобных требований, нарком просил считать проявлением доброй воли его правительства²⁵.

Впрочем, надежды Госдепартамента на успех своей инициативы стали стремительно таять: из американского посольства в Хельсинки все чаще поступали сообщения о том, что финское правительство не примет советские условия мира.

Двумя требованиями, представлявшимися абсолютно неприемлемыми с финской точки зрения, были: 1) «восстановление советско-финского мартовского договора 1940 года»; 2) «...со всеми вытекающими последствиями». Американцы понимали, что, ознакомившись с советскими условиями, под словом «последствия» финны будут подразумевать, прежде всего, все те требования, которые Советский Союз уже выдвигал Финляндии после подписания Московского договора 1940 года. Речь шла в частности о праве СССР на транзит грузов на полуостров Ханко, строительстве железной дороги до Саллы, демилитаризации Аландских островов и открытии на них советского консульства, учреждении также в якобы шпионских целях консульства в Петсамо, где советское правительство стремилось овладеть никелевыми рудниками. В Вашингтоне осознавали, что финны не пойдут ни на территориальные уступки (а по договору 1940 года Советскому Союзу должно было быть передано почти 15 % финской территории), не согласятся они, да и не смогут, выплатить СССР какие-либо компенсации. Если финнам предложить советские условия переговоров в том виде, в каком они были озвучены Молотовым, они посчитают их направленными на уничтожение Финляндии как государства и предпочтут погибнуть в бою. Было принято решение не сообщать о них финскому правительству. Гораздо более благоразумным американцы считали добиться от Моск-вы сначала таких условий переговоров, которые бы давали возможность начать советско-финский диалог²⁶.

Параллельно, чтобы минимизировать риск провала своих посреднических усилий Вашингтон

принял решение ограничить свое участие исключительно помощью в установлении контактов между Москвой и Хельсинки и воздержаться таким образом от передачи условий переговоров от одной стороны к другой. Уже 31 марта госсекретарь Хэлл поручил второму секретарю американского посольства в Москве Томпсону проинформировать об этом советское правительство.

Между тем, советское руководство проявляло растущую заинтересованность. Встречаясь со Стэнли 3 апреля 1943 г., Молотов напрямую поинтересовался у своего собеседника, каким образом американское правительство планировало установить контакт между Москвой и Хельсинки. Американскому послу пришлось уклончиво ссылаться на некий план, который якобы был заранее разработан его правительством. Не меньше Молотова интересовало и то, насколько советские требования, по мнению американского правительства, были осуществимы. Стэнли вновь заверил наркома в том, что если бы в Вашингтоне считали условия Москвы невыполнимыми вовсе, Соединенные Штаты просто бы не предложили своих добрых услуг.

Уже в последующем меморандуме американскому правительству Молотов дал понять, что в связи с отсутствием подтверждений тому, что Финляндия готова отстраниться от Германии и предложить Советскому Союзу приемлемые условия мира, прямой контакт Москвы и Хельсинки без непосредственного посредничества американцев не сможет привести к положительным результатам. Прекрасно понимая сложность ситуации, в которой оказались США, нарком подчеркивал, что минимальные требования советской стороны были переданы американскому правительству не для передачи финской стороне, а исключительно для его собственного сведения. Впрочем, садиться за стол переговоров советское правительство было по-прежнему согласно лишь после того, как ему станет известно о готовности финнов принять озвученные советские условия³⁷.

Американцы оказались в действительно сложной ситуации. Решив оказать посреднические услуги Советскому Союзу и Финляндии, после того, как советская сторона выдвинула изначально неприемлемые для финнов требования, американское правительство, с одной стороны, уже не могло инициировать переговоры с Хельсинки, а с другой стороны, – отступить назад.

В Вашингтоне было принято решение во что бы то ни стало инициировать контакт советского и финского правительств. Хэлл настоятельно рекомендовал Стэнли больше не заводить по собственной инициативе разговора с Молотовым, однако при случае все-таки сообщить, что, пока со-

ветское правительство ждет доказательств готовности финнов к переговорам, предоставить которые Вашингтон пока не мог, американское правительство не сделает больше ни одного шага для установления подобного контакта.

Госдепу США стали известны обстоятельства встречи Риббентропа с Кивимяки, а также иные факты возрастающего давления Германии на финское руководство. Соответствующую информацию американцы передали и в Москву.

Еще 24 марта 1943 г. Рамзай просил Хэлла предоставить ему информацию об условиях, выдвигаемых русскими. По поручению госсекретаря Макклиток сообщил, что, во-первых, ожидать на возможных переговорах условий лучших, чем те, что предусматривал мирный договор 1940 года, не стоит. Во-вторых, американское правительство советовало руководству Финляндии по-прежнему бороться с возрастающим немецким давлением и не упускать возможности заключить мир с Советским Союзом.

Финны ответили быстро. Финский МИД направил в Вашингтон ответный меморандум, содержание которого было близко советскому: финское правительство не видело признаков того, что переговоры с Советским Союзом могут привести к предоставлению Финляндии гарантий ее безопасности и независимости. Финскому народу не оставалось ничего иного, кроме как продолжить борьбу за свое существование. В государственном департаменте это было расценено как свидетельство того, что «финское правительство не расположено вступать в предложенный диалог»³⁸.

Расценив финскую позицию как явное свидетельство кризиса в американско-финских отношениях, Вашингтон сделал следующие выводы:

Целью возраставшего немецкого давления на Финляндию являлось: во-первых, стремление не допустить подписания финским правительством сепаратного мира, во-вторых, – предотвратить возможность повторения подобной ситуации, вынудив Финляндию примкнуть к странам Оси. (Стоит отметить, что хотя Финляндия и подписала 25 ноября 1941 г. Антикоминтерновский пакт, к Берлинскому пакту 27 сентября 1940 г., более известному как «Пакт трех держав», она не присоединилась, де-юре так и не став союзницей Германии. Лишь 26 июня 1944 г. было заключено так называемое «соглашение Рюти—Риббентропа», согласно которому президент Рюти в письме Гитлеру гарантировал Германии военную помощь и отказ Финляндии от сепаратных переговоров).

С первой задачей немцы справились легко. Они бы в любом случае смогли склонить финнов на свою сторону, так как конкретных условий переговоров названо не было. В этом смысле стрем-

ление американцев свести свои посреднические услуги лишь к формальному установлению контактов между Финляндией и Советским Союзом лишило финнов последней надежды на скорый выход из войны, сыграв прежде всего на руку немцам.

Требования Германии присоединиться к Тройственному пакту должны были, скорее всего, встретить в Финляндии отказ. Последним средством дипломатического воздействия оставалось стремление правительства Финляндии сохранить (так полагали финны), и восстановить (так уже думали американцы) дружественные отношения с Соединенными Штатами.

Макклинтон отмечал, что ситуация была крайне сложной: с одной стороны, Соединенные Штаты не могли вернуться к дружественным отношениям с Финляндией до тех пор, пока она не прекратит сотрудничество с Германией. С другой, — пока продолжалась война с Советским Союзом финское правительство было не готово порвать с Германией. Завершать же войну на условиях договора 1940 года финны были не согласны.

В начале апреля 1943 г. Хэлл поручил Стэнли в беседе с Молотовым напомнить ему, что главной целью Вашингтона в поддержании дипломатических отношений с Хельсинки была надежда на то, что, во-первых, это будет способствовать выходу Финляндии из войны с Советским Союзом, а во-вторых, — что страх разрыва отношений с Соединенными Штатами будет сдерживать финское правительство от наращивания помощи Германии.

С возрастанием немецкого давления на финское руководство американское правительство вынуждено было констатировать, что попытки установить советско-финские контакты провалились, и дальнейшее сохранение дипломатических отношений США и Финляндии было бесполезным. В связи с этим Вашингтон 12 апреля 1943 г. проинформировал Москву о своем намерении разорвать дипломатические отношения с финнами и отозвать из Финляндии все дипломатические представительства (стоит помнить, что консульские отношения к тому времени уже были разорваны)²⁹.

Реакция Молотова была неожиданна для американцев. Наркома иностранных дел, прежде всего, интересовало, почему американское правительство вдруг решило изменить свою позицию и вместо того, чтобы оказывать посреднические услуги вплоть до начала прямого диалога СССР и Финляндии, вдруг решило ограничиться формальным установлением контактов. Стэнли ничего не оставалось, как сослаться на то, что роль посредника, избранная его правительством, получила в Москве неправильную интерпретацию.

От имени советского правительства Молотов вновь подтвердил нежелательность вступления в прямые контакты с финской стороной до тех пор, пока не появится вероятность достижения положительных результатов. По мнению Молотова, это было бы нежелательно, в том числе и для союзных держав.

Стэнли отмечал, что во время беседы его «не оставило ощущение, что Молотов старался вынудить у меня признание, что мое правительство [правительство Соединенных Штатов] считает советские требования неприемлемыми для финнов, и именно это явилось главной причиной отказа от дальнейшей реализации плана»²⁰. Не будучи до конца откровенным с Молотовым, американский посол, по его собственному признанию, чувствовал себя «неудобно».

19 апреля 1943 г. госсекретарь Хэлл направил президенту Рузвельту телеграмму о перспективах развития американо-финских отношений. В документе сообщалось, что в соответствии с предположениями Государственного департамента, немцы, узнав о попытках американского правительства привлечь Финляндию к переговорам с Советским Союзом, увеличили давление на финское руководство, в результате чего оно практически полностью утратило свободу принятия решений. В этой ситуации глава американской внешней политики делал вывод, что поддержание отношений с Финляндией больше не могло способствовать ни прекращению боевых действий между Финляндией и СССР, ни сокращению финского сотрудничества с немцами, то есть не отвечало более тем целям, ради которых американское посольство в Хельсинки собственно и продолжало свою работу. Хэлл также указывал на то, что согласие Москвы на разрыв американо-финских отношений уже было получено. 15 апреля посол Стэнли передал в Вашингтон, что нарком Молотов сообщил ему, что «по мнению советского правительства, исходя из наших общих интересов, было бы желательно... прекратить американские дипломатические отношения с Финляндией в качестве меры давления на финское правительство»²¹. Советское руководство полагало такое решение выгодным как для Советского Союза, так и для Соединенных Штатов²².

На следующий день президент Рузвельт выразил свое согласие с политикой в отношении Финляндии. «Несмотря на то, что в прошлом мы симпатизировали им [финнам], когда на них напала Россия, и сочувствовали их устремлениям к национальной независимости, последние два года они ведут двойную игру, в результате чего их действующее правительство оказало огромную помощь нацистам, использующим Финляндию для продолжения войны против СССР»²³.

Уже на следующий день Хэлл поручил Макклинтоку в течение 48 часов организовать выезд американских дипломатов из Хельсинки в Стокгольм. В американском посольстве оставался только посол и его помощник. Впоследствии и Макклинток должен был перебраться в Стокгольм и уже оттуда продолжать информировать о финских делах. Защиту интересов США в Финляндии брало на себя посольство Швейцарии²⁴.

Американцы крайне торопились разорвать отношения с финнами. Хэлл настоятельно просил Макклинтока вручить Рамзаю соответствующий меморандум как можно быстрее. Как и в упомянутой выше телеграмме Хэлла Рузвельту, решение о разрыве отношений объяснялось растущим давлением Германии на Финляндию, лишившим финское правительство свободы принятия самостоятельных решений.

Стоит отметить, что Макклинток, по его собственным словам, был «в полном неведении» в отношении причин такого резкого решения Вашингтона. Он сообщал, что «практически все выражают надежду, что каким-то чудом американское посольство останется в Хельсинки». Он настоятельно обращал внимание Государственного департамента на то, что в случае разрыва отношений финны непременно бы начали наступление на Сороку (Беломорск) и овладели бы Мурманской железной дорогой.

Большие надежды Макклинток связывал с визитом в Москву во второй половине мая 1943 г. специального представителя президента Рузвельта Джозефа Дэвиса. Проработав в 1936—1938 гг. в качестве посла Соединенных Штатов в Москве, Дэвис сумел установить прекрасные отношения с советским руководством и подписать в 1937 г. советско-американское торговое соглашение. Будучи свидетелем знаменитых московских процессов 1936—1938 гг., Дэвис традиционно выступал в поддержку Сталина и его политики. После нападения гитлеровской Германии на СССР он использовал устную и печатную трибуну для своих высказываний в поддержку Советского Союза, стал одним из организаторов и почетным председателем Национального совета американо-советской дружбы, настойчиво требовал открытия второго фронта в Европе.

По мнению Макклинтока, Финляндию можно было по-прежнему склонить к подписанию отдельного мира, стоило лишь предоставить условия несколько более выгодные, чем в марте 1940 года. Ключевым вопросом американский посол считал статус полуострова Ханко. Если Советский Союз отказывался от него, то, по его мнению, переговоры можно было бы вновь возобновить. Германия в этом случае, конечно, могла оккупировать Финляндию, но по-

добное распыление немецких сил было бы только на руку Соединенным Штатам и их союзникам.

В этой связи Макклинток предлагал лично встретиться с Рюти и объяснить ему, что если Рамзай вновь отправится в Берлин и расскажет обо всем Риббентропу, то решения конференции в Касабланке (14—25 января 1943 г.) о «безоговорочной капитуляции», которую американский президент и британский премьер-министр собирались наложить на Германию, Италию и Японию, будут автоматически распространены и на Финляндию. Если в таком случае Рюти использует последний шанс сохранить дружбу с США и прекратит сотрудничество с Германией, подписав мир с Советским Союзом, он может выдвинуть свои условия для их рассмотрения Рузвельтом и Сталиным. Так как финны, по информации Макклинтока, полагали, что немцы взломали шифровальные коды американского посольства, он собирался также заверить Рюти, что финские предложения будут доставлены в Соединенные Штаты исключительно с дипломатами²⁵.

В Вашингтоне соображения Макклинтока не были восприняты всерьез. С учетом реакции Рамзая на американский меморандум о разрыве отношений Хэлл полагал, что бессмысленно вновь поднимать вопрос о мире. В сложившейся ситуации разрыв американо-финских отношений должен был подействовать на финнов более отрезвляюще. Более того, Макклинтоку рекомендовалось быть крайне осторожным в беседах с финским руководством, чтобы ни в коем случае не создалось впечатление, что еще что-то можно изменить.

11 мая Макклинток встретился с маршалом Маннергеймом и долго беседовал с ним. Хотя адъютант финского главнокомандующего генерал Кекони и сообщал ранее Макклинтоку о том, что барон очень болен, посол нашел его в прекрасном состоянии и ясном уме.

Маннергейм был достаточно откровенен с собеседником. Хотя он и начал беседу с традиционного для Рюти и Виттинга экскурса в историю не прекращавшейся советской агрессии, вскоре он признался, что Финляндия стала жертвой сильнейшего давления со стороны немцев. Его крайне задевал тот факт, что министр иностранных дел Финляндии Рамзай вынужден был летать в Берлин и отчитываться перед Риббентропом. Впрочем, и американское влияние на Финляндию было крайне сильным, отмечал Маннергейм. В какой-то момент Макклинтоку даже показалось, что барон ожидал, что Соединенные Штаты вскоре объявят Финляндии войну.

Между тем маршал бравировал тем, что Финляндия не стала подписывать с Германией договора

об отказе от сепаратных мирных переговоров. Вообще, по его мнению, Финляндия должна была «идти с Германией только до тех пор, пока у них общие интересы... немцы могут попытаться заставить нас силой, но это может оказаться не такой простой задачей»²⁶. Тем самым он противоречил своим же словам о сильном германском влиянии.

Обиделся Маннергейм и на британцев. Он искренне считал, что Великобритания «продала» страны Балтии и Финляндию Советскому Союзу. В подобном отношении к малым народам Маннергейм не делал разницы между политикой Германии и Великобритании. Соединенные Штаты в этой связи представлялись Маннергейму как единственное в своем роде идеалистическое государство, в целом безразличное к правам малых государств.

Маршал не обошел вниманием и тему Восточной Карелии. Еще 16 июля 1941 г. Шенфельд докладывал в Вашингтон, что в своем приказе от 11 июля 1941 г. Маннергейм придавал огромное значение освобождению Восточной Карелии: «он ясно заявил о территориальных устремлениях Финляндии в отношении той части Карелии, которая находилась в составе Советского Союза до начала Зимней войны 1939—40 годов»²⁷. Фактически, Маннергейм значительно расширил цели Финляндии в войне, сформулированные ранее президентом Рюти в его радиообращении 26 июня 1941 г. Теперь, в 1943 г., беседуя с Макклинтоком, Маннергейм выражал сожаление, что его слова были так грубо искажены: по его словам, в приказе он говорил о «Suurisuoми» – большой Финляндии, а не о «Suurusuoми» – большей Финляндии, как принято считать. Свои призывы к оккупации Восточной Карелии он объяснял исключительно военными целями, особенно подчеркивая, что его войска не сорвали транзит американских грузов по Мурманской железной дороге. «Я решил не продвигаться к Белому морю», – заявил Маннергейм²⁸.

Что касается заключения мира с Советским Союзом, Макклинток убедился в том, что ни при каких условиях Маннергейм не согласится на условия марта 1940 года. В борьбе с Россией барон был скорее готов до конца использовать помощь Германии, полагаясь потом уже исключительно на собственные силы.

В июне месяце американский посол в Швеции Джонсон сообщил в государственный департамент, что советник советского посольства в Стокгольме Б. Ярцев, «до начала Зимней войны пять лет проработавший в советском представительстве в Хельсинки, крупный специалист по Финляндии», (он же Рыбкин Борис Аркадьевич – резидент советской разведки) в неформальной беседе с сотрудником американского посольства заявил, что для того, что-

бы финны, сильно дорожившие отношениями с американцами, осознали, что Вашингтон ждет от Финляндии полного прекращения сотрудничества с Германией, необходимо в полном составе отозвать американское посольство из Хельсинки. Вместе с тем, он подчеркивал, что хотя Советский Союз и не признавал права на независимость за балтийскими государствами, Польша и Финляндия после окончания войны должны были непременно сохранить свою независимость²⁹.

Интересна и та оценка ситуации, которую во время обеда со швейцарским послом Эггером дал сам президент Рюти. По его мнению, американцы принесли Финляндию в жертву русским. «Американцы предложили нам только слова. Немцы дали нам хлеб», – говорил он³⁰.

9 апреля Макклинток во время очередной встречи с Рамзаем передал от имени своего правительства новую ноту, в которой сообщалось о том, что властям Соединенных Штатов прекрасно известно о давлении, оказываемом Германией на финское руководство, в связи с чем дальнейшее развитие союзнических отношений с Германией не могло не сказаться и на состоянии финско-американских отношений, приведя, в частности, к их возможному разрыву. Макклинток также попросил аудиенции у президента Рюти, чтобы сообщить ему «нечто важное». Добившись встречи, уже на следующий день американский поверенный напомнил Рюти, что суть меморандума американского правительства сводилась не к оказанию посреднических услуг в советско-финских переговорах, а лишь к оказанию помощи в установлении соответствующих контактов с Советским Союзом. Рюти понял, что Соединенные Штаты не обладали информацией об условиях возможных переговоров, и потому финское правительство могло смело отклонить мирные инициативы Вашингтона. Днем ранее, несмотря на требования ряда членов финского парламента дожидаться дополнительных сведений из Вашингтона, Линкомиес и Рамзай добились принятия в парламентской комиссии по международным делам решения отказаться от посреднических услуг американцев, и теперь, буквально через несколько часов после встречи Макклинтока с Рюти, финский министр иностранных дел должен был официально сообщить об этом немецкому послу Цехлину. В ожидании бурной реакции администрации Рузвельта, по заказу финских властей, в финских СМИ были заранее набраны развороты газет с сообщением о разрыве Соединенными Штатами отношений с Финляндией³¹. 10 апреля президент Рюти, наконец, подписал меморандум. В тот же день Рамзай передал его Макклинтоку, о чем незамедлительно проинформировал немецкого посла.

В финской историографии утвердилась точка зрения, что финское руководство передало американцам отрицательный ответ лишь после того, как смогло выяснить, что условия, на которых Советский Союз был готов начать переговоры, были Вашингтону неизвестны. Главным подтверждением тому служат воспоминания премьер-министра Финляндии Вяйно Таннера, занимавшего с марта 1943 г. пост министра финансов в кабинете Э. Линкомиеса, в которых он, по мнению историка Маркку Йокисипиля, несколько приукрасил ход событий. В частности Таннер утверждал, что принятие соответствующего решения парламентская комиссия по международным делам перенесла на понедельник, 11 апреля. Йокисипиля, в свою очередь, не только утверждает, что решение в финском парламенте было принято в тот же день, но также указывает на то, что 11 апреля было, ко всему прочему, воскресеньем³². В унисон воспоминаниям Таннера звучат и доводы Туомо Полвинена, изложенные в его книге «Финляндия в политике мировых держав». В этом исследовании упомянутая выше и, казалось бы, незначительная неточность Таннера привела к ошибочным выводам. Воспоминания Таннера стали использоваться как главное подтверждение самостоятельности тогдашнего финского руководства и его независимости от Германии³³. По замечанию Йокисипиля, финское руководство, действительно, старалось отложить принятие отрицательного решения по американскому предложению, однако уступило при первом же давлении со стороны немцев. Никакого времени на раздумья у финского руководства не было, впрочем как и самостоятельности в принятии решения.

Об отношении Таннера к этому вопросу свидетельствуют и дневники Юхо Паасикиви. Так, вспоминая свой разговор с финским министром финансов, состоявшийся 7 апреля в доме Рамзая, он приводит следующие слова своего собеседника: «Сейчас необходимо как можно скорее ответить американцам, что из переговоров с Советским Союзом ничего не выйдет. Мы не только не знаем намерений России, но и не доверяем ей. Из-за Германии мы не можем сделать ничего иного, кроме как скорейшим образом ответить на американское предложение и положить конец попыткам Соединенных Штатов оказать посреднические услуги. Если же контакты с американским правительством в этом направлении будут продолжены, мы столкнемся с негативными последствиями: 1) Мы больше не получим продовольствия, впрочем как и других товаров: ржи, угля, бензина. Армия не сможет воевать. Жизнь закончится. 2) В распоряжении Германии аэродромы Фин-

ляндии, а также находящиеся на ее территории 100 000 немецких военнослужащих. Очевидно, что они смогут оккупировать Финляндию. 3) Бытует мнение, что Германия совершит в Финляндии государственный переворот, однако этого, вероятно, не стоит бояться. Мы не пойдем на договор с Германией, как и не заключим с ней никакой пакт. Будь что будет»³⁴.

Таннер полагал, что если бы Москва и предложила принять за основу переговоров границы 1939 года, Германия на это не согласилась бы. В конце концов, в разговоре с Паасикиви министр финансов лишь озвучил вывод, к которому в итоге пришло близкое окружение президента Рюти: по сравнению с неминуемым гневом Гитлера и Риббентропа разрыв контактов с Соединенными Штатами представлялся, явно, меньшим злом.

К чести финского руководства, ему удалось прекратить переговоры с американцами, не потеряв лица: зависимость Финляндии от Германии осталась втайне. Со стороны казалось, что решение финского руководства было принято им самостоятельно. Естественно, что финско-американские отношения от этого не выиграли, однако они и не прекратились, как того могла ожидать финская сторона.

После того, как главное требование немцев, как можно быстрее отказаться от посредничества американцев, было выполнено, не было смысла зря сердить Германию, и Рамзай стал предпринимать шаги для нормализации финско-германских отношений. По его мнению, главным было убедить немецкое руководство, что промедление с ответом американцам было связано не с желанием получить от Соединенных Штатов дополнительную информацию об условиях переговоров, а с тем, что Финляндия, полностью владея инициативой, была вынуждена придерживаться своих внутривнутриполитических соображений и требований демократии, а именно сложных особенностей принятия решений парламентом страны.

После того, как ответная нота финского правительства была передана Макклинтоку, Рамзай сразу же встретился с Цехлином. Он сообщил немецкому послу, что Финляндия отказалась от посреднических услуг американцев, при этом копия переданного им документа уже направлена советнику немецкого посольства. Рамзай обратил особое внимание собеседника на то, что сам он смог узнать советские условия переговоров уже после того, как американцам был дан отрицательный ответ. Удивительно, но немцы поверили Рамзаю. Им так и не стало известно, что лишь случай помог финнам принять окончательное решение и отказаться от предложения американцев, не дожидаясь поступления более точной информации. Получив

телеграммы от Цехлина, Риббентроп распорядился подготовить возвращение Блюхера в Хельсинки: он должен был приехать вместе с Шверин фон Крозигом и Грундхерром. Несколько днями позже, в своем докладе представителю германского командования при ставке Маннергейма Вальдемару Эрфурту Блюхер подтвердит, что Рамзаю удался его обман: «По случайному стечению обстоятельств доверенное лицо Соединенных Штатов сразу же после получения ответа принес ему [Рамзаю] новую американскую ноту, которая содержала ответ на письмо Рамзая. Эта американская нота вызвала огромное разочарование финнов, однако значительно укрепила положение правительства в отношениях с парламентом»³⁵.

Истинный ход событий остался неизвестен немецкому генералу и после войны: в своих мемуарах, опубликованных в 1950 году, он по-прежнему не отмечал связи между ответом финского правительства американцам, и предшествовавшей тому просьбой финнов предоставить им дополнительную информацию об условиях переговоров. Очевидно, что и впоследствии Эрфурт продолжал верить в версию, умело изложенную Рамзаем.

Дальнейшие события развивались в благоприятном для финнов ключе. 11 апреля вместе с Блюхером в Хельсинки на празднование 25-летия Финско-Германского общества прибыли Шверин фон Крозиг и Грундхерр. Чтобы отпраздновать вновь обретенное братство по оружию Линкомиес организовал в финской столице празднества, в которых с финской стороны приняли участие Рамзай, Таннер, Вальден и Рейникка, то есть комиссия по международным делам в своем полном составе, а также бывший министр иностранных дел Виттинг, олицетворявший немецкое направление финской внешней политики. С немецкой стороны на торжествах присутствовали Шверин фон Крозиг, Грундхерр, Эрфурт, Блюхер и другие. Из дневников Эрфурта становится ясно, как сильно, например, министр обороны Финляндии пытался убедить немцев в лояльности своей страны: «Вальден, который со мной всегда особенно вежлив, сообщил мне, что сейчас уже все нормализовалось. Он не совсем понимал всех внешнеполитических сложностей, однако все же было ясно, что Финляндия могла продолжать движение лишь вместе с Германией. Об этом знал весь финский народ»³⁶.

В разговоре со своим старым другом Грундхерром Рамзай имел неосторожность заметить, что на этот раз простых разговоров о дружбе Финляндии и Германии будет мало. Грундхерр искусно завел речь о союзническом финско-германском договоре и подчеркнул, что Риббентроп надеется, что Финляндия как можно быстрее ответит на

это предложение. Рамзай сообщил, что рассмотрение этого вопроса даже еще не было начато, и подчеркнул, что подписание подобного документа на государственном уровне было бы очень затруднительным. В результате беседы у Рамзая сложилось ощущение, что немцы были полны решимости в скором времени вновь включить этот вопрос в повестку финско-германских отношений.

Таким образом, американский меморандум марта 1943 года, будучи первым официальным предложением Соединенных Штатов оказать посреднические услуги финскому правительству, в конечном итоге, лишь подтолкнул Финляндию к еще более тесному сотрудничеству с Германией. В отношении с Берлином произошло как раз то, о чем в ранее упомянутом разговоре с Таннером Паасикиви уже высказывал свои опасения: «...мы только осрамылись перед Германией и еще сильнее попали под ее опеку»³⁷.

По мнению финского историка М. Йокисипиля, американские усилия провалились, прежде всего, потому, что Вашингтону было просто нечего предложить финскому руководству. Ни в коей мере они бы не смогли защитить финнов от наступавшей советской армии. Переговоры с американцами были беспочвенными, а потому еще более опасными и бесполезными для финского руководства.

Действительно, меморандум 23 марта 1943 г. был достаточно сырым документом, не называвшим реальных, «готовых», возможностей для советско-финских переговоров, во многом популистский, выражавший стремление американской администрации одновременно сохранить союзнические отношения с Советским Союзом и почти дружественные с Финляндией. Однако ведь и финны не попытались «ухватиться» за протянутую американцами руку помощи. В разговорах с внешнеполитическим руководством Финляндии американские дипломаты не переставали указывать на то, что с наращиванием Советским Союзом военной мощи и каждой новой победой договориться с Москвой на выгодных условиях будет все сложнее и сложнее. В какой-то момент советское правительство просто перестанет прислушиваться к финским требованиям, настаивая на своей позиции. Хотя впереди была сложная летняя кампания, а Ленинград был по-прежнему в блокаде, одержав победу в Сталинградской битве, весной 1943 г. Москва уже ощущала крепость своих позиций и не соглашалась более идти на компромиссы, как в августе 1941 г., предлагая «некоторые территориальные уступки». Хотя теперь уже наступила очередь финского правительства, не дожидаясь своего полного поражения, идти на уступки. Боясь гнева Германии

и ощущая свою сильнейшую экономическую зависимость от нее, финны отвергли американскую инициативу.

Оценивая действия финского правительства в марте 1943 г., Н. И. Барышников отмечает, что в любом случае финны не смогли до конца использовать предоставленные им возможности: «оно [финское правительство] не выяснило позицию Советского Союза. Отказавшись использовать американское посредничество, финское правительство настолько ухудшило свои отношения с Вашингтоном, что посольство США покинуло Хельсинки (там остался лишь временный поверенный и шифровальщик). Германское правительство в свою очередь стало серьезно сомневаться в благонадежности своего «брата по оружию» и изыскивало меры воздействия на Финляндию»³⁸.

Сквозь призму финско-американских отношений раскрывается истинное положение финского руководства в 1941—1944 гг., прежде всего характеризовавшееся той сильнейшей зависимостью от Германии, при которой любой шаг навстречу союзным державам, навстречу миру, в том числе и

для финского народа, из-за страха перед гневом Гитлером сразу же отвергался. Если исходить из того, что советско-финская война, действительно, носила «обособленный» характер, представляется очевидным, что финское правительство должно было бы обладать такой же «обособленной» свободой в принятии политических решений, прежде всего в вопросах подписания сепаратного мира с Советским Союзом.

Andrej I. Kulikov. US March 1943 memorandum and its impact on the development of Finnish—American and Finnish—German relations

The article deals with the events of March 1943 when the US administration tried to boost the beginning of peace negotiations between the Soviet Union and Finland and therefore sent a memorandum to the Finnish government offering its mediation services. Based on archival documents, the article covers difficulties connected with Finnish withdrawal from the Second World War, the nature of Finnish—German relations of that period and their impact on the policy of Finnish government.

1. «Helsingin Sanomat». 30.11.2008.
2. *Seppinen J.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939—1944. Hds, 1983. S. 118.
3. *Н. И. Барышников.* «Блокада Ленинграда и Финляндия, 1941—1944». С.-Петербург—Хельсинки, 2002. С. 9.
4. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1958.
5. Memorandum of Conversation, by the Under Secretary of State (Welles). Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. General, The Soviet Union. Vol. 1 (1941). P. 56.
6. The Charge in Finland (McClintock) to the Secretary of State. Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 252.
7. *Ibid.* P. 253.
8. *M. Jokisipilä.* Aseveljiä vai liittolaisia? Helsinki, 2004. S. 91.
9. *Ibid.* S. 93.
10. *Ibid.* S. 121.
11. *Gerhard L. Weinberg.* A World at Arms. 1995. P. 420.
12. The Ambassador in the Soviet Union (Standley) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 254.
13. *Ibidem.*
14. *Winston S. Churchill.* The Hinge of Fate. Vol. 4. Pp. 751—752.
15. The Ambassador in the Soviet Union (Standley) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 256.
16. Memorandum by the Acting Chief of the Division of European Affairs (Atherton), Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 256.
17. The Ambassador in the Soviet Union (Standley) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 260.
18. The Charge in Finland (McClintock) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 265.
19. The Secretary of State to the Ambassador in the Soviet Union (Standley), Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 266.
20. The Ambassador in the Soviet Union (Standley) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 267.
21. 740.00119 European War 1939—1414.
22. The Secretary of State to President Roosevelt, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 269.
23. President Roosevelt to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth,

- Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 269.
24. The Secretary of State to the Ambassador to the Charge in Finland (McClintock), Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 270.
  25. The Charge in Finland (McClintock) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 273.
  26. Ibid. P. 276.
  27. The Minister in Finland (Schoenfeld) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941, General. The Soviet Union. Vol. 1 (1943). P. 49.
  28. The Charge in Finland (McClintock) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 278.
  29. The Minister in Sweden (Johnson) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East, Vol. 3 (1943). P. 279.
  30. The Charge in Finland (McClintock) to the Secretary of State, Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1943. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Vol. 3 (1943). P. 280.
  31. Markku Jokisipilä 2004, Aseveljiä vai liittolaisia. S. 123.
  32. Ibid. S. 124.
  33. Cp.: Polvinen 1979, S. 219—220; Tanner 1952. S. 60.
  34. J.K. Paasikiven päiväkirja 7.4.1943. Paasikivi 1991. S. 275—276.
  35. Markku Jokisipilä 2004, Aseveljiä vai liittolaisia. S. 126.
  36. Ibidem.
  37. Markku Jokisipilä 2004, Aseveljiä vai liittolaisia. S. 125.
  38. Н. И. Барышников. «Блокада Ленинграда и Финляндия, 1941—1944». С.-Петербург—Хельсинки, 2002. С. 63.